

Д. А. Бродяк

**СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО:
ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРАВЯЩЕЙ ВЕРХУШКИ
НЕЗАВИСИМОЙ БИРМЫ/МЬЯНМЫ**

Сложности и противоречия колониального и постколониального этапа истории развивающихся стран, как в зеркале, отразились в нелегкой судьбе Бирмы (Мьянмы) – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Прежде чем после трех войн англичане сделали страну своей колонией в 1885 г., на мьянманской земле в разные века сменили друг друга три империи, в состав которых входили и части территории современных Таиланда, Китая и Индии.

Под эгидой сильного традиционалистского государства в Мьянме, к моменту прихода англичан, под влиянием индийских и китайских образцов сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все отношения местного общества. Как и в ряде других стран Дальнего Востока, власть в традиционном мьянманском обществе представляла, прежде всего, как способность к покровительству. Поиск лидера-покровителя, как заметил американский исследователь М. Нэш, постепенно стал основой мьянманской политической культуры на всех уровнях общественной иерархии [Nash 1965, 77–78, 275]. Имевшее хождение в Мьянме буддийское изречение “народ без лидера разоряется” подтверждает это мнение [Всеволодов 1978, 156–159]. Вместе с тем, власть в мьянманской политической традиции воспринималась также и как способность приказывать и подчинять, требовать безоговорочного исполнения воли. В доколониальный период причастность к власти, исходящей, подобно лучам, из личности монарха, накладывала печать избранности на любого члена государственного аппарата и резко отделяла его от тех, кого не коснулся монарший “свет”. При этом нечеткая разделенность гражданской и военной властей в традиционной Мьянме приводила к тому, что аппарат власти по духу был вполне милитаристским: приказ и подчинение связывали чиновников наподобие

офицеров армии [Nash 1965, 275]. Два описанных значения власти в мьянманской политической традиции – покровительственное и авторитарное – логически как будто противоречат друг другу. Однако то, что кажется противоречием с точки зрения логики, в реальности являлось диалектическим союзом двух концепций власти, сочетанием, которое представляло собой необходимый узел традиционной мьянманской политической системы [Агаджанян 1987, 322–323].

В колониальный период эти устоявшиеся представления о политической культуре временно потеряли актуальность и отошли на второй план на фоне того, что традиционная Мьянма оказалась бессильна противостоять натиску европейцев. Главные носители местной политической культуры – традиционалистски настроенные слои мьянманского крестьянства – лишились всех средств институализации своих общественных предпочтений и с момента ликвидации в 1885 г. независимости Мьянмы никак не проявляли себя в легальном политическом поле страны. В то же время традиционалистские черты бирманской политической культуры отнюдь не исчезли и под властью англичан. Их существование в новейший период истории страны очевидно проявилось уже в том, что за годы Второй мировой войны, в период японской оккупации, в Бирме достаточно спонтанно сформировались мощные Вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные молодые люди. Конечно, все они уже не были носителями старобирманской политической идеологии – на ее базе было невозможно сформировать современное государство со всеми его институтами. Аун Сан, Не Вин, У Ну, У Тан и их соратники из довоенной патриотической организации “Добама Асиайон” (“Наша Бирма”), которые образовали ядро бирманской постколониальной элиты, еще в 1920-е – 1930-е гг. познакомились с английским языком и элементами европейской культуры в средних англо-бирманских школах, а затем обучались в Рангунском университете, специализируясь в основном в области литературы, истории, права. Все они неплохо ориентировались в европейском культурном дискурсе, пытаясь приложить к развитию родной Бирмы самые современные западные теории: от марксизма-ленинизма до фашизма [Листопадов 1996, 115; Листопадов 1997б, 58–59; Листопадов 1998, 88–90; Листопадов 2005, 67–68].

Тем не менее, в сфере практической политики нарождающаяся элита независимой Бирмы, независимо от имеющихся теоретических наработок и помощи извне, неизбежно шла тернистым путем проб и ошибок. Последовавшая после обретения страной независимости в январе 1948 г. попытка лидеров Бирмы вписать национальную экономику в капиталистическую мирохозяйственную систему привела бирманское общество к глубокому кризису. Его истоки уходили еще в колониальный период истории страны, когда традиционалистски настроенные слои местного общества были совершенно дезориентированы жестким вторжением в жизнь Бирмы новых капиталистических реалий. После обретения Бирмой независимости эти элементы бирманского социума, недостаточно приспособленные к повсеместно торжествующим рыночным отношениям, составили массовую социальную базу восстания против существующих порядков, которое в марте 1948 г. подняла и возглавила сформировавшаяся в стране левая контрэлитная группировка – Коммунистическая партия Бирмы.

Имея целью переломить ход гражданской войны в Бирме в свою пользу и выйти из кризиса, пришедший к власти после военного переворота 1962 г. командующий бирманской армией генерал Не Вин на протяжении 1963–1965 гг. осуществил в стране радикальную аграрную реформу. Она в корне изменила колониальные порядки, сложившиеся в деревне в предшествующий период, выведя массы сельского населения из безнадежной долгой кабалы [Агаджанян 1989, 118–119]. Обстановка в стране начала стабилизироваться, прежде всего, прекратилось прогрессирующее разорение бирманского крестьянства – основной части населения страны. Именно после успешной аграрной реформы, осуществленной группировкой Не Вина в 1960-е гг., наиболее отсталые патриархальные слои бирманского крестьянства стали интенсивно адаптироваться к новым политическим и экономическим практикам и начали отходить от поддержки идеологии политического террора. В частности, на протяжении 1960-х – 1970-х гг. бирманские сухопутные войска – самая многочисленная и закаленная в боях с повстанцами часть вооруженных сил Бирмы – значительно пополнились бывшими сторонниками Коммунистической партии.

Такое вовлечение в ряды национальной военной элиты массы носителей традиционной политической культуры привело к

существенным изменениям во внутренней структуре самих бирманских вооруженных сил. Разрастающуюся национальную армию в указанный период возглавило совсем иное ответвление постколониальной элиты Бирмы – не имеющее широкого европейского образования и сформировавшееся в бирманской глубинке, в специфических условиях закрытого военно-учебного заведения. С 50-х гг. XX века подлинной кузницей кадров независимой Бирмы стала расположенная недалеко от Мандалая, в курортном местечке Мемью (Пьин У Лвине) Академия оборонных служб (Defence Services Academy). Она была основана в 1954 г. в штате Шан, а с 1957 г. находится в Пьин У Лвине. Абсолютное большинство средних и высших командиров бирманской армии, занявшее свои посты в 1960-е – 1980-е гг. и впоследствии возглавившее страну, провело свои молодые годы в стенах Академии, не только осваивая разные военные специальности, но и специально готовясь к управлению государством. Так, по информации российского бирманиста П. Н. Козьмы, шедший вторым номером (до 2011 г.) в иерархии военного руководства Мьянмы вице-старший генерал Маунг Эй является выпускником первого набора АОС. Нынешний президент страны генерал Тейн Сейн происходит из 9-го набора. Вице-президент, отставной генерал Тихатура Тин Аун Мьинт У – из 12-го набора. Спикер одной из двух палат парламента Мьянмы, отставной генерал Тура Шве Ман – представитель 11-го набора Академии. Как отмечает упомянутый российский исследователь, этот список фактически можно продолжать до бесконечности, включая сюда военных командиров и гражданских начальников самых разных уровней [Козьма 2014, 88–94].

Стоит особо отметить, что современно составленная (по американским и британским образцам) программа обучения в Академии не означала формирования у выпускников этого учебного центра вестернизированного мировоззрения. Поступавшие в него выходцы из деревень и маленьких провинциальных городков глубинных регионов Бирмы, еще не так давно охваченных коммунистическим повстанческим движением, изначально отличались резко традиционалистскими взглядами, которые не в силах было поколебать самое современное образование. Характерно, что на рубеже XX и XXI веков мьянманское военное руководство регулярно участвовало в старинных магических обрядах с

привлечением потусторонних сил, призванных нейтрализовать политических противников правящей группировки. При этом, в подобных церемониях участвовали также и представители модернистского крыла военной элиты, такие как Кхин Ньют, инициатор последующей политической либерализации военного режима Мьянмы. В ходе таких обрядов, по сведениям П. Н. Козьмы, именно генерал Кхин Ньют переодевался в женское платье (что, кстати, не редкость для многих ритуалов мьянманцев) и магически исполнял роль лидера демократической оппозиции До Аун Сан Су Чжи [Козьма 2014, 214–225].

Как видно из упомянутого эпизода, даже вестернизированным представителем мьянманской постколониальной элиты никогда не были чужды традиционалистские воззрения; тем более такие взгляды всецело довлели в среде выходцев из Академии оборонных служб в 60-е – 80-е гг. XX века. Сам факт создания закрытого военно-учебного заведения как питомника для пополнения властвующей группировки находился целиком в русле традиционных бирманских политических представлений, в рамках которых аппарат власти противопоставляется всему остальному социуму как особая каста, скрепляемая изнутри собственной идеологией и прочими атрибутами избранности. В лице выпускников Академии традиционное бирманское общество, вытесненное из сферы легальной политики в эпоху колониализма, впервые обрело адекватное, учитывающее реалии современности, политическое представительство. При этом, после подавления опиравшегося на центральные районы страны коммунистического движения, военные кадры, формировавшиеся в данном учебном заведении, в первую очередь выражали интересы патриархальных слоев населения Верхней Бирмы/Мьянмы – региона, который господствовал в стране на протяжении столетий, но с 1885 по 1988 гг. вообще никак не был представлен в правительстве страны.

Во многом благодаря деятельности Академии оборонных служб к концу 1980-х гг. консервативные бирманские военные оказались готовы открыто выйти на политическую арену и вступить в конфликт с находящейся у власти модернистской группировкой генерала Не Вина, чей режим находился в состоянии углубляющегося внутреннего кризиса. В его правление, на протяжении четверти с лишним века, стабильность и модернизация в Бирме обеспечивались достаточно эффективно, однако цена

их оказалась излишне велика. Огосударственная экономика страны, управлявшаяся командными методами, стагнировала. По классификации ООН, в 1987 г. Бирма была включена в список наименее развитых стран мира с годовым доходом на душу населения около 200 долларов. В этих условиях правительство было вынуждено пойти на либерализацию экономической жизни, начав с ведущей отрасли – сельского хозяйства, в котором занято 65 % самостоятельного населения. В то же время, одновременно с шагами в сторону рыночных преобразований бирманское руководство прибегло к явно волонтаристским мерам, объясняемым необходимостью обуздать черный рынок, – изъятию из обращения банкнот крупного достоинства безо всякой компенсации их владельцам. Эта акция послужила детонатором студенческих волнений, летом 1988 г. переросших в мощное стихийное движение под лозунгами демократизации политического режима [Листопадов 1997б, 73–74].

Надо сказать, что к моменту кризиса режима, установленного в стране бирманскими модернистами, вполне сформировалось и уже готово было войти во власть второе поколение прозападного крыла постколониальной элиты Бирмы. Оно было представлено, в частности, бывшим главой личной охраны Не Вина и начальником военной разведки страны генералом Кхин Ньюнгом, внуками и другими родственниками генерала Не Вина, к которым ситуативно примкнула стремительно вторгшаяся в бирманскую публичную политику До Аун Сан Су Чжи – дочь генерала Аун Сана, лидер быстро формировавшейся в Мьянме либеральной контрэлиты. До бурных событий 1988 г. Су Чжи долгие годы жила за границей, в Индии, США и Великобритании, работала в Оксфорде и в Нью-Йорке, в секретариате ООН. В марте 1988 г. Аун Сан Су Чжи приехала из Англии в Рангун, чтобы ухаживать за тяжело заболевшей матерью. Судьба распорядилась так, что дочь национального героя бросила вызов его давнему соратнику Не Вину, поставила под сомнение авторитет и исторические заслуги последнего. 26 августа Су Чжи впервые выступила на огромном митинге около буддийской святыни – пагоды Шведагон. В своем выступлении она призывала к использованию ненасильственных методов борьбы за демократизацию Бирмы. Тем временем, несмотря на согласие сентябрьского чрезвычайного съезда правящей ПБСП (Партии бирманской социалистической

программы) провести свободные выборы, волнения в стране продолжались, повсюду нарастали анархия и хаос.

На этом фоне очередной раз в истории страны в события вмешалась армия – 18 сентября 1988 г. в Мьянме произошел новый военный переворот. Всю полноту власти сосредоточили в своих руках консервативно настроенные военные из командования сухопутных войск мьянманской армии. Для выхода из кризиса и оперативного руководства государством они сформировали фактическое правительство страны – Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП). Прекратила свое действие Конституция 1974 г. ПБСП, поменяв название на Партию национального единства (ПНЕ), перестала быть правящей и единственной. Военные вынуждены были разрешить оппозиции создавать партии. Ведущей из них стала Национальная лига за демократию (НЛД) во главе с Су Чжи и опальными генералами Тин У (бывшим министром обороны) и Аун Джи. 20 июля 1989 г. Су Чжи помещается под домашний арест, ее лишают права участвовать в парламентских выборах, состоявшихся в мае 1990 г. НЛД, прежде всего благодаря авторитету Су Чжи, завоевала подавляющее число мест в парламенте, но ГСВЗП сразу же после выборов заявил, что передача власти гражданскому правительству невозможна до разработки и утверждения новой Конституции [Листопадов 1997а, 108–109].

Однако впервые собравшаяся в январе 1993 г. Национальная конституционная конференция работала над новым Основным законом чрезвычайно медленно и с большими перерывами, что в итоге привело к консервации в стране на длительный срок прямого военного правления. Последнее позволило правящей военной верхушке надолго подавить сопротивление демократической оппозиции, хотя нужно отметить, что в среде вестернизированных горожан мьянманские модернисты (возглавляемая Су Чжи НЛД, к которой отчасти присоединилась оттесненная от власти группировка военных во главе с Не Вином и Кхин Ньюнгом) все же сохранили сильные позиции для последующего соперничества с традиционалистами во власти.

В отличие от городов, с конца 1980-х гг. попавших под влияние мьянманской оппозиции, сельское население страны еще в предшествующий период, в правление генерала Не Вина, было взято военными властями Бирмы/Мьянмы под плотный политический

контроль [Агаджанян 1989, 120]. Успешное подавление волнений 1988 г. мьянманскими военными во многом объяснялось именно тем обстоятельством, что деревенское население Мьянмы, хотя отчасти и симпатизировало оппозиции (как показали выборы 1990 г.), в целом не подвергало сомнению право армии на власть над страной. Особенно широкой поддержкой свергнувшие режим Не Вина военные консерваторы пользовались на своей “малой родине” – среди патриархального населения традиционалистски настроенной мьянманской глубинки.

Поэтому неудивительно, что предложенная новыми властями Мьянмы в середине 1990-х гг. комплексная программа выхода из кризиса и последующего развития страны практически целиком находилась в русле традиционной мьянманской политической культуры. В каждом ее блоке определялось по 4 цели – явная перекличка с “четырьмя благородными истинами” буддизма, а сами 3 блока правительственной программы соотносились с “тремя драгоценностями” буддийского учения – Буддой, Дхармой и Сангхой. Политические цели предложенной программы действий включали стабильность в государстве, мир и спокойствие в обществе, законность и порядок; национальное примирение; выработку новой стабильной конституции; построение нового современного развитого государства в соответствии с новым Основным законом. Экономические цели предусматривали развитие сельского хозяйства как базовой отрасли и всестороннее развитие других секторов экономики; правильное развитие рыночно-ориентированной экономической системы; развитие экономики с привлечением “ноу-хау” и инвестиций, как из внутренних, так и из внешних источников; особо указывалось, что инициатива формирования экономики должна находиться в руках государства и коренных народов. Заявленные социальные цели власти заключались в повышении морально-нравственного уровня всей нации; повышении национального престижа, упрочении самобытности, сохранении и защите культурного наследия и национальных особенностей народа; повышении динамизма патриотического духа; улучшении здоровья и образовательных стандартов всей нации [Листопадов 1997а, 112]. Как видно, этот своеобразный кодекс модернизации и развития делал акцент на общегосударственных задачах, закрепляя за государством привычные для доколониальной

Мьянмы патерналистские функции. О правах и свободах личности в нем практически ничего не говорилось.

Реализуя на практике покровительственные функции традиционного государства, правящие военные сохранили в стране обширный (хотя и крайне неэффективный) государственный сектор экономики, ликвидация которого могла привести к стремительному росту безработицы и переходу ключевых отраслей под контроль иностранного капитала. Именно с помощью перераспределения средств внутри этого сектора даже после введения в 1997 г. Западом масштабных санкций против военного режима Мьянмы властям удалось сохранить “социальные”, низкие цены на коммунальные услуги, электроэнергию, почту, некоторые виды транспорта. Попутно вводилась система сложных разрешений и высоких пошлин на импорт товаров не первой необходимости (автомобилей, дорогой электроники и т. д.) – своеобразные “налоги на роскошь” для ограничения потребления правящей верхушки; именно такое “поддержание справедливости” в социуме издавна входило в функции власти в представлениях традиционной мьянманской политической культуры. В условиях ренессанса последней новое дыхание по всей стране на рубеже XX и XXI веков получила публичная благотворительность (строительство и ремонт школ, больниц, дорог, буддийских пагод и монастырей, погребение неимущих и т. п.) влиятельных людей по отношению к своим землякам, проживающим на “малой родине” донаторов.

Традиционные политические воззрения обновленной правящей элиты Мьянмы также обусловили достаточно специфическое расходование обширных финансовых ресурсов, поступающих в бюджет в связи с произошедшей в 1990-е гг. либерализацией экономики, а также в связи с появлением у государства в 2000-е гг. значительных газовых доходов. Первое, что было осуществлено на эти деньги – расширение и перевооружение армии, увеличившейся в 1990-е гг. более чем в 2 раза – со 180 до 400 с лишним тысяч человек. Кроме того, огромные средства были выделены на строительство новой столицы Мьянмы – города Нейпидо, воздвигнутого в центральной части страны, вблизи старинного местечка Пьинмана, в первом десятилетии нового века. Поступающие в казну миллиарды долларов также использовались для активного продвижения общенациональных проектов инфраструктурного развития, в основном в области коммуникаций,

связи, гидроэнергетики, электроэнергетики в целом. Вместе взятые, упомянутые направления расходов бюджета и составили ныне реализуемый в Мьянме проект государственного строительства. Данный проект опирается на традиционную политическую культуру и подразумевает, что военные, элита – это та ведущая сила, которая способна реализовывать задачи во всех сферах. Население страны в русле этих воззрений рассматривается как сугубо пассивная масса, неспособная сама по себе решать проблемы национального развития [Мьянма в АСЕАН 2011, 96–97].

Необходимо особо подчеркнуть, что, с точки зрения господствующей буддийской этики, любая власть считается в Мьянме доброй и справедливой только в том случае, если правящая верхушка сполна отдает дань уважения основным хранителям добродетели на земле – монашеской сангхе и буддийскому учению [Агаджанян 1987, 329]. Влияние религиозных представлений в рамках реанимируемой традиционной политической культуры закономерно привело к тому, что после прихода к власти в 1988 г. новое военное правительство Мьянмы поставило заботу об укреплении и распространении буддизма на уровень особых приоритетов государства и при этом пересмотрело буддийскую доктрину и практику с националистической точки зрения. Руководство страны на протяжении двух с лишним десятилетий пыталось сформировать основанный на буддизме общественный консенсус, когда государство, сангха и простой народ говорят на одном языке, делая особый акцент на традиционной праведности и моральности мьянманцев по сравнению с западными нациями [Цеханова 2006, 360]. Такое обращение к буддизму со стороны правящих консерваторов обеспечивает им поддержку со стороны традиционалистски настроенных слоев населения и в числе прочих мер укрепляет власть обновленной мьянманской элиты, легитимизируемую в сознании народа независимо от новой Конституции и назревшей демократизации внутренних порядков.

Стоит также отметить, что упомянутая трансформация постколониальной элиты Бирмы/Мьянмы пока не получила надлежащей оценки в современной бирманистике. Внутриполитические процессы в этой стране как российские [Васильев 2010, 324–325, 361–363; Симония 2011, 136–139; Симония 2012, 35–38;], так и западные [Lintner 1990, 177–181; Mya Maung 1992, 245–247; Taylor 2009, 532–539] авторы до сих пор описывали преимущественно в

парадигме противостояния армии и оппозиции, авторитаризма и демократии (как вариант – порядка и анархии), не останавливаясь на вопросах внутренней эволюции самой мьянманской правящей верхушки.

При этом существенно, что обрисованная выше традиционалистская трансформация посколониальной элиты Бирмы/Мьянмы на современном этапе рельефно отображает стержневой для всей новой истории страны конфликт между тенденциями “открытия” и “закрытия” по отношению к внешнему, прежде всего, западному миру. По замечанию видного бирманиста А. С. Агаджаняна, подобное типичное для внутривнутриполитической жизни стран Азии и Африки столкновение политических тенденций практически везде заканчивалось рано или поздно победой прозападных модернизаторских сил. И только в Бирме/Мьянме борьба консервативной и модернизаторской группировок внутри элиты всегда приводила в итоге к победе консерваторов и к новому этапу “закрытия” страны от неограниченного влияния западной цивилизации [Агаджанян 1989, 114]. Политическая история Мьянмы конца XX – начала XXI столетий в очередной раз подтвердила этот тезис.

В то же время, произошедший в 2011 г. переход Мьянмы к гражданскому правлению не только укрепил позиции военных в консервативном сегменте общественного мнения, но и дал возможность либеральной оппозиции перейти в масштабное политическое наступление. О последнем свидетельствует громкая победа НЛД на довыборах в парламент в апреле 2012 г., помноженная на лавинообразное расширение ее партийной активности в сельской местности [Козьма 2014, 82–88]. На этом фоне становится все более явной перспектива новой вспышки гражданской войны в ходе намеченных на ноябрь 2015 г. очередных выборов в парламент страны, когда модернистская контрэлита Мьянмы и военные консерваторы впервые с 1990 г. будут состязаться за голоса избирателей. Сумеет ли традиционалистская правящая верхушка Бирмы/Мьянмы выиграть парламентскую борьбу и отразить практически неизбежный внепарламентский натиск оппозиции, подтвердится ли ходом событий предположение об устойчивом преобладании умеренно-консервативных сил в мьянманской политической системе, – покажет будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанян А. С. Бирма: крестьянский мир и государство. Москва, 1989.

Агаджанян А. С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы // Государство в докапиталистических обществах Азии. Москва, 1987.

Васильев В. Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. Москва, 2010.

Всеволодов И. В. Бирма: религия и политика (буддийская сангха и государство). Москва, 1978.

Козьма П. Н. Наш человек в Мьянме. Москва, 2014.

Листопадов Н. А. Генерал Аун Сан // Восток, 2005, № 5.

Листопадов Н. А. Мьянма: непростое время перемен // Восток, 1997а, № 11.

Листопадов Н. А. У Не Вин // Вопросы истории, 1997б, № 11.

Листопадов Н. А. У Ну // Восток, 1996, № 1.

Листопадов Н. А. У Тан // Вопросы истории, 1998, № 6.

Мьянма в АСЕАН: проблемы региона и интересы России // Индекс безопасности. Т. 17. № 4. Москва, 2011.

Симония А. А. Новый облик военного режима в Мьянме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 16. Москва, 2011.

Симония А. А. Перемены в Мьянме: первый год гражданского правления // Азия и Африка сегодня, 2012, № 7.

Цеханова Л. В. Политика ГСМР в религиозном вопросе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 9. Москва, 2006.

Lintner B. Outrage: Burma's Struggle for Democracy. London, 1990.

Mya Maung. Totalitarianism in Burma: Prospects for Economic Development. New York, 1992.

Nash M. The Golden Road to Modernity. Chicago, 1965.

Taylor R. H. The State in Myanmar. Singapore, 2009.